
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ГЕРЦЕНОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Т. Г. Фруменкова

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМ И ПОДГОТОВКА МЕДИКОВ ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

215 лет назад, 2(13) мая 1797 г., Павел I подписал указ «О принятии главного начальства над воспитательными домами в обеих столицах императрице Марии Федоровне»¹. По этому указу Петербургский воспитательный дом получил самостоятельность и начал обретать свои неповторимые черты. С 13 мая 1797 г. ведет свою историю и преемник педагогических традиций воспитательного дома — Герценовский университет, отмечающий свой очередной юбилей.

Общеизвестна заслуга воспитательного дома в спасении жизни брошенных детей. Между тем дом сыграл и значительную роль в подготовке специалистов, в первую очередь медиков.

Важной задачей дома, по убеждению его устроителя и главного попечителя И. И. Бецкого, стало создание из питомцев «новой породы» людей «третьего чина», в том числе лекарей и их помощников. В XVIII в. юноши — питомцы единого дома — могли приобрести профессию лекаря, обучаясь при госпиталях, а девушки — стать повивальными бабками после окончания специального училища при Петербургской «ветви» дома.

Мария Федоровна, став «главнокомандующей над воспитательными домами», вскоре изменила подход к обучению. Проценты с крупных капиталов, пожертвованных в пользу воспитательных домов, она предназначила для обучения питомцев медицине в высших учебных заведениях. Успехи их, по мнению императрицы, останавливались «незнанием латинского языка». 5 сентября 1805 г. она повелела Петербургскому совету «для отвращения сего впредь» выбрать 20 мальчиков. Их предполагалось обучать латыни, чтобы «со временем, из числа таковых питомцев можно было выбрать для отсылки... в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию таких, которые, будучи уже достаточно снабжены сими первоначальными познаниями, тем скорее и лучше успевают во врачебной науке»². В 1806 г. численность учеников, обучавшихся латыни в Петербургском воспитательном доме, была доведена до 50. В 1811 г. латинские классы появились и в Гатчинском воспитательном доме, выделенном из состава Петербургского³. Первый выпуск из латинских классов состоялся в 1811 г. С этого времени в числе студентов-медиков появилась группа воспитанников. В основном выпускники латинских классов продолжали обучение в Петербургской медико-хирургической академии. Списки питомцев, поступивших в академию в 1811—1831 гг., включают 131 имя (следует учитывать, что немалую их часть присылали из Московского дома)⁴.

¹ ПСЗ. Т. XXIV. № 17952.

² РГИА. Ф. 758. Оп. 20. Д. 154. Л. 1—1 об.

³ Там же. Л. 2—9; Д. 249. Л. 1—53; Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. СПб., 1880. С. 3.

⁴ Императрица Мария Федоровна скончалась в 1828 г., но коренные изменения в организацию воспитательных домов Николай I внес только в 1837 г.

Прием осуществлялся по результатам экзамена. Первых претендентов тщательно отбирали: «Предварительно производимы им многократные испытания... в присутствии министра народного просвещения графа Разумовского, президента Медико-хирургической академии Виллие, конференц-секретаря оной Орлие и профессоров Крафта, Фуса, Озерецковского и Аделунга»⁵. В последующие годы экзамены в Петербурге посещали попечитель учебного округа С. С. Уваров и статс-секретарь Марии Федоровны Г. И. Вилламов.

Воспитанники делились на пансионеров императрицы, которым она сама оплачивала обучение; тех, кто учился за счет воспитательных домов — процентов с благотворительных капиталов или сумм, выплачиваемых из общих доходов; а также казеннокоштных студентов, за которых платила сама академия. По неполным данным, за 1810-е гг. выявлено 5 пансионеров Марии Федоровны, две другие группы воспитанников были примерно равными по численности. Обучение пансионера первоначально стоило 300 руб. асс. в год.

Приемный экзамен не гарантировал благополучного продолжения образования. 4 августа 1813 г. вице-президент академии И. Г. Эренгольм сообщил в Петербургский дом результаты «годичных испытаний» и выразил недовольство успеваемостью некоторых воспитанников. Профессор «нашел в них одно только ко всему равнодушие и леность без малейшего честолюбия»⁶. Он объяснял это сиротством студентов и прямолинейно заключал: «Они весьма уверены... что императрица никого не сделает из них несчастными» и не боятся угрозы суровых академических наказаний для «шалунов», таких как отдача в солдаты.

К этому времени из 25 поступивших в 1811 г. в академию остались 23 человека (один умер, другой вернулся в дом по болезни). Один воспитанник был студентом 1-го отделения (с наилучшими успехами), «довольно успевали» еще восемь человек, переведенных на следующие курсы во 2-е отделение. «Худо учились», были «ленивы» и ранее оставались на второй год, но в 1813 г. переводились в следующий класс семь человек. Еще пять лентяев и учащихся, имевших «мало дарований», в 1813 г. стали второкурсниками (из них три питомца во второй раз). Двоих рекомендовалось исключить.

Императрица резонно заметила, что юноши в академию «помещаются не иначе как по учинении им профессорами самой академии экзамену, по которому им как способности, так и предварительные познания питомцев наперед известны». Она посетовала на отсутствие за ними надзора, согласилась на исключение двух учеников и предложила, чтобы совет «призвал пред присутствие свое всех прочих... и им объявил: наиболее рекомендованным высочайшее благоволение, а нерадивым»⁷ пригрозил наказанием. Исключаемые попросили у опекунов «снисхождения», пообещав исправиться, но академия пошла на уступки только в отношении одного из них. Опекунский совет объявил, что студентов, «доведших себя быть исключенными», будут назначать «в черную работу» при доме или отправлять в рекруты.

Из 22 студентов первого набора (еще один скончался от чахотки в 1815 г.) 13 окончили академию со званием лекарей, 3 — кандидатами. Среди причин отсева следует назвать отсутствие у молодых людей выбора и обнаружившееся у некоторых из них «природное отвращение от анатомических и хирургических упражнений». С такими горе-медиками и лентяями поступали весьма гуманно. В 1814 г., после исключения из академии еще троих, опекуны нашли, что «сии воспитанники еще в юных летах, и употреблением их в черную работу, с прежним воспитанием их несоответственную, могут они впасть в

⁵ РГИА. Ф. 758. Оп. 10. Д. 50. Л. 2 об.

⁶ Там же. Л. 39 об.

⁷ Там же. Л. 42—43.

уныние и безнадежность. А как они хорошо обучены познанию русского языка и чистописанию, то совет полагает употребить их в службу под своим ведомством»⁸. Молодые люди стали писарями.

Императрица, в свою очередь, отметила, что воспитательный дом, как «нежный, но благоразумный отец», должен отличать «невинного от впавшего в заблуждения»⁹. Питомцев, прервавших учебу из-за «природного отвращения» к медицине, следовало принимать на службу с жалованием и возможностью повышения, а исключенных за «нерадение и дурное поведение» определять к письменным делам «без всякого жалования, давая им пищу и одежду от дома». Деньги они могли начать зарабатывать только после «истинного раскаяния»; представление их к классному чину также замедлялось.

В академии студенты-сироты страдали от безденежья. Им оплачивали учебу и питание, обеспечивали одеждой и обувью, но карманных денег у молодых людей, поступавших в высшее учебное заведение в возрасте от 15 лет до 21 года, не было вовсе. Попытки некоторых из них подработать резко осуждались профессорами и опекунами. Посетив студентов в 1823 г., главный надзиратель заметил, что они живут в крайней нужде. В сентябре 1823 г. императрица распорядилась о выдаче каждому студенту из воспитанников по 25 руб. на покупку сундука, щетки, гребня, мыла и на баню. «А по дальнему расстоянию от комнат залы, в которой преподаются лекции, исправлены на холодное время шинели», — сообщал ей почетный опекун¹⁰. Оказывается, несколько выпусков студентов обходились без верхней одежды. Вероятно, поэтому в первые годы так велика была смертность от чахотки. Неясно, как посвящали в студенты питомцев набора 1811—1813 гг. (звание студента учащийся получал после двух курсов. — *Т. Ф.*). По уставу академии студента награждали шпагой, а деньги на ее приобретение впервые были отпущены из сумм дома только в 1817 г.

Питомцы, за исключением пансионеров императрицы, обычно не имели фамилий. Остальным ее, как правило, образовывали от имени восприемника при крещении, и у Академии были затруднения «от однофамильных воспитанников». В 1813 г. императрица предложила назвать восемь петербургских юношей «Добронравин, Острый, Умный, Быстрый, Тихой, Надежной, Скромный и Прилежный... смотря по их природным качествам и нравам»¹¹. В дальнейшем от этого отказались, возможно, потому что почти все молодые люди, получившие «говорящие» фамилии, не достигли успехов.

По неполным сведениям о выпусках студентов набора 1811—1815 гг. и отчасти 1817 г., из 52 человек завершили образование 29 (56%). 3 питомца (Филипп Депп, Станислав Корнонский и Иван Шереметевский) получили звание лекарей 1-го отделения, которое присваивалось «за превосходные успехи», 12 человек стали лекарями 2-го отделения («хорошие успехи»), 9 — лекарями 3-го отделения («посредственные успехи»), 4 — кандидатами «по слабым успехам», лекарский разряд одного не указан. Из тех, кому до 1821 г. академию окончить не удалось, 5 человек умерли (преимущественно от чахотки, 1 покончил с собой), 2 вернулись в дом по болезни, 13 человек исключили, 1 сбежал из академии, о судьбе еще 4 ничего не сказано. По правилам лучшие выпускники награждались книгами и хирургическими инструментами. Для сирот было сделано исключение: необходимые для работы подарки получил почти каждый из них. Воспитательный дом вручал молодым лекарям и фармацевтам положенный на имя каждого из принятых в академию капитал.

⁸ РГИА. Ф. 758. Оп. 10. Д. 50. Л. 86—86 об.

⁹ Там же. Л. 101—102.

¹⁰ Там же. Д. 65. Л. 29.

¹¹ Там же. Л. 51 об.—52.

Из 70 воспитанников, поступивших в академию в 1817—1831 гг. и закончивших учебу, начиная с 1822 г., 41 человек выпущен лекарями и 10 — кандидатами (всего 73%), 19 человек учебу не окончили, из них 17 были исключены, а 2 умерли. Сведения об одном из выпускников отсутствуют.

Особым покровительством Марии Федоровны пользовались два ее первых пансионера — Ф. Депп и С. Корнонский. Окончив академию в 1814 г., они по указанию императрицы были направлены в больницу для бедных, а затем — в войска. Вернувшись в распоряжение совета, они получили подарки в 500 руб.¹² Пансионеров воспитательного дома старались пристраивать на места в учреждениях опекунского совета¹³. Бывшие питомцы, определенные на штатные вакансии в ведомстве совета, как и их казеннокоштные собратья, были обязаны прослужить по назначению не менее 6 лет.

Вскоре штатных вакансий стало не хватать. Не востребованного внутри ведомства воспитанника передавали медицинскому начальству для распределения. Долго не могли получить места выпускники 1816 г. Наконец, лекарь Андрей Филисов был определен при Александровской мануфактуре (подразделение Петербургского дома), кандидат Кирилл Андреев помещен «при доме», еще двух кандидатов направили в Костромскую и Симбирскую губернии. В 1834 г. Константин Брюсов, просивший об определении по ведомству опекунского совета, занял место уездного врача в г. Чердынь Пермской губернии¹⁴.

Если ведомство было заинтересовано в выпускнике, то при отсутствии штатных вакансий в Петербурге их по традиции помещали «для усовершенствования в практике» в Военно-сухопутный госпиталь с годовым жалованием в 700 руб. асс. (позднее — 200 руб. серебром), еще 300 руб. давалось на наем квартиры. Срок практики первоначально ограничивался одним годом, с начала 1830-х годов увеличился до двух лет. Если за это время вакансия в Мариинском ведомстве не освобождалась, лекарь получал право на свободное трудоустройство¹⁵. Позднее сверх штата выпускников стали определять на два года и при больницах Мариинского ведомства. Впрочем, могли сочетаться и оба способа распределения¹⁶.

В 1820—1840-е гг. начальство охотно удовлетворяло прошения бывших воспитанников-лекарей о добровольном поступлении в военное ведомство. Выпускник 1832 г. Александр Маклерой год провел на «стажировке» в госпитале военного ведомства, еще два года «находился при Александровской мануфактуре в помощь медикам для пользования больных по селению». Отчаявшись получить штатное место, он попросил уволить его из дома «для приискания службы по морскому ведомству». Просьба была немедленно удовлетворена¹⁷.

Со временем более жестким становилось отношение к исключенным питомцам. Некоторые из них для оправдания использовали лазейку, предоставленную в свое время императрицей, и заявляли о своем отвращении к анатомии. В 1827 г. пансионер дома Николай Векман «в предупреждение выключения из академии подал прошение об увольнении якобы потому, что он чувствует себя неспособным заниматься» медициной. Совет, основываясь на мнении преподавателей Н. Векмана, заявил, что он «не способен единствен-

¹² РГИА.Ф. 758. Оп. 10. Д. 50. Л. 67, 69, 73, 193—195.

¹³ Там же. Л. 187 об.; Д. 65. Л. 62 об.—64.

¹⁴ Там же. Л. 208, 240, 260; Д. 65. Л. 203, 227—228.

¹⁵ Там же. Оп. 18. Д. 1936. Л. 22—23.

¹⁶ Там же. Л. 26.

¹⁷ Там же. Оп. 10. Д. 65. Л. 165—165 об., 173—173 об., 174—175 об.

но от нерадения». Воспитаннику не разрешили поступать в писари, что открывало ему путь к гражданской службе, а «употребили в фельдшеры». Так полагалось поступать и впредь¹⁸. Во второй половине 1820-х — начале 1830-х годов воспитанников, не сумевших завершить образование, в основном определяли фельдшерами, назначали в аптеки или «отправляли к мастерствам». Николай I запретил принимать на государственную службу представителей низших сословий.

В 1830-е гг. в жизни воспитательных домов произошли кардинальные изменения. В 1834 г. всех штатных воспитанников-мальчиков Петербургского дома перевели в Гатчину, а девочек — из Гатчины в Петербург. Указом Николая I от 25 июня 1837 г. предписывалось «всех незаконнорожденных детей отправлять по деревням и никогда ни под каким видом обратно в воспитательный дом не брать». В помещениях домов создавались сиротские институты для обер-офицерских детей. Указ закрывал питомцам доступ к образованию, а воспитанники, состоявшие в штате к 1837 г., получили возможность его завершить.

Гатчинский (петербургский) список набора 1835—1847 гг. включает 18 имен, из них 14 человек принадлежали к «несчастнорожденным» питомцам дома, а 4 были обер-офицерскими сиротами. В 1841 г. из академии сообщили и о трех студентах, не включенных в списки: первого выпустили лекарем 2-го отделения, второй, очевидно, недоучившийся студент, был признан аптекарским помощником, а третий учился на ветеринара. Таким образом, сохранились сведения о 21 студенте. Их общее число значительно сократилось по сравнению с предыдущим периодом. Стремление пополнять сиротами ряды врачей постепенно угасало. Однако, в отличие от предшествующих десятилетий, инициатива поступления в академию нередко принадлежала самим воспитанникам. Для них медицинская карьера стала традиционной.

В 1840 г. опекунский совет отказался направить в академию Александра Александрова, объясняя свое решение нехваткой благотворительных капиталов¹⁹. Получив отпуск, юноша отправился в Петербург и обратился к президенту академии с просьбой принять его на казенный счет. Инспектор классов сиротского института, видя «его сильное желание поступить в медицинское сословие», ходатайствовал за воспитанника. Он выдержал вступительные экзамены и был принят. В 1843 г. совет направил Александра Крестьянова в университет для сдачи экзамена на звание учителя уездного училища, но Крестьянов «изъявил желание поступить в медицинское звание». Выяснилось, что в результате канцелярской ошибки его оценки в документах были занижены. Опекуны разрешили ему сдавать приемные экзамены, и питомец поступил в академию.

Эти эпизоды раскрывают и причины уменьшения числа студентов из питомцев воспитательного дома: теперь их старались учить только за счет благотворительных капиталов или на казенный кошт. Если все пятеро студентов, принятых в академию в 1835—1837 гг., начали учебу за счет общих доходов дома, то позднее плата за четырех из них стала вноситься из капиталов благотворителей, а пятого перевели в казенно-коштные студенты. После 1837 г. обучение студентов за счет общих доходов дома было прекращено.

Изменились и правила приема. Теперь, сдав выпускные экзамены в латинских классах, они получали от опекунского совета направление на вступительные экзамены в академию. Обучение пансионера в 1840-е гг. многократно подорожало: теперь за него платили 445 руб. 50 коп. сер. в год. Ежегодно в воспитательный дом поступали ведомости об

¹⁸ РГИА. Ф. 758. Оп. 18. Д. 1936. Л. 18—19.

¹⁹ Там же. Д. 977 а. Л. 8.

успехах и поведении питомцев. В академии действовала пятибалльная система оценок, высшей отметкой считалась «единица». Обучение продолжалось пять лет²⁰.

В 1838 г. академия перешла в ведение Военного министерства. Это отразилось на распределении казеннокоштных выпускников. Многие из них стали врачами в войсках, в том числе и на Кавказе. Почти все из 18 воспитанников, принятых в академию в 1835—1847 гг., ее окончили. Только один был исключен «за неуспехи и нерадение» и определен при аптеке дома. Сведения о выпуске двух студентов отсутствуют. Два выпускника-отличника — лекари 1-го отделения — были на год прикомандированы ко 2-му Военно-сухопутному госпиталю. Семь человек направили в армию, в том числе три лекаря 2-го отделения были «определены в службу в Черноморскую береговую линию». Правда, один из них, Александр Петров, заболел, три месяца пролежал в госпитале, после чего получил назначение в Архангельский военно-сухопутный госпиталь²¹. Два питомца, содержавшиеся на счет благотворительных капиталов, добровольно поступили на службу «в полки действующей армии», в 1849 г. один из них прислал в опекунский совет письмо из Варшавы. Из двух казенных воспитанников один был определен лекарем в Низовский егерский полк, а другой — батальонным лекарем в Суздальский пехотный полк.

Два лучших выпускника, учившихся за счет воспитательного дома, были помещены в Мариинскую больницу для бедных, один отправлен в Петропавловскую больницу заведений общественного призрения, второй — в родовспомогательное заведение. Все они стали сверхштатными врачами и должны были прослужить два года. Один выпускник по его просьбе был назначен городским врачом в Томск, другому разрешили поступить лекарем в имение жены П. А. Клейнмихеля графини К. П. Клейнмихель в Курской губернии²².

Материальное положение студентов к середине XIX в. несколько улучшилось. Воспитанники боролись за свои права и бомбардировали начальство своими просьбами. В 1843 г. студенты академии Иван Иванов и Александр Крестьянов подали в опекунский совет прошение о выдаче им денег на мелочные расходы. Подобные суммы выплачивались казеннокоштным студентам университета. Правда, президент академии уверял, что пансионеры дома «наравне с казеннокоштными студентами получают все нужные пособия... почему ни в чем не нуждаются»²³. В выдаче денег им отказали.

За годы учебы студенты из воспитанников не раз обращались к опекунам с просьбами о выдаче пособия на покупку медицинской литературы, а иногда и хирургических инструментов. Для этого обычно представлялся список книг с указанием их цены. В реестрах преобладали книги на немецком и французском языках, встречались словари, попадались русские или переводные издания. Чиновники тщательно проверяли список, после чего будущий врач обычно получал значительную сумму. В 1840 г. только что принятый в число учащихся Алексей Николаев получил на покупку медицинских книг 150 руб. асс. В 1842 г. два выпускника — студенты 5 курса Александр Петров и Лука Лукин получили по 98 руб. 30 коп. на приобретение книг, необходимых для работы. Вскоре те же выпускники и их товарищ Дмитрий Богданов получили по 75 руб. асс. на покупку карманного лекарского набора инструментов²⁴. В 1840-е гг. одежда и предметы быта студентам выдавались от академии. Покидая ее стены, они были обязаны сдать мундиры,

²⁰ РГИА. Ф. 758. Оп. 18. Д. 691. Л. 4—6; Д. 1936. Л. 95.

²¹ Там же. Л. 44, 69—70.

²² Там же. Л. 1, 116, 235 б, 238, 241, 278, 282, 323—328, 388—389, 456.

²³ Там же. Д. 1936. Л. 100, 103.

²⁴ Там же. Д. 977 а. Л. 6—7 об., 20—30, 48, 141 б, 192—196, 210.

брюки и панталоны, шляпы, португепи, подсвечники со щипцами и учебники. Академия требовала денежной компенсации за утерянные и разбитые казенные вещи²⁵.

С 1809 по 1822 г. Медико-хирургическая академия выпустила 788 человек, до 10% из которых составили питомцы воспитательных домов. Позднее, в 1840-е гг., когда в академии одновременно обучалось свыше 300 студентов²⁶, доля воспитанников стала заметной.

С 1828 по 1855 г. решающую роль в управлении домом играл император Николай I. Именно он в это время определял степень и формы участия воспитательных домов в подготовке медицинских кадров. Указ 25 июня 1837 г. поспособствовал получению воспитанниками фельдшерского образования. По этому указу полагалось оставлять в деревнях всех питомцев безвестного происхождения, за исключением тех, которые могли потребоваться на различные предприятия, в услужение и в воспитательные дома в няньки, хожатые и фельдшера. С 1834 г. в фельдшерской школе при Обуховской больнице стали учиться 10 питомцев воспитательного дома. Курс обучения длился четыре года, содержание одного пансионера обходилось в 400 руб. асс. в год. В 1839 г. деревенская экспедиция дома заявила, что встречает затруднения в наборе служащих для сельских лазаретов. По ее предложению в школу направили еще пятерых воспитанников²⁷. В 1841 г. в школу планировалось направить еще шесть питомцев, но с доставкой их опоздали, и в училище остались всего три вакансии. Остальных мальчиков отправили в фельдшерские ученики при Мариинской больнице. В 1844 г. фельдшерское училище открылось при Мариинской больнице, и направление питомцев в Обуховскую больницу прекратилось.

Фельдшеров планировалось готовить из питомцев, воспитывавшихся по деревням, но выяснилось, что 12—13-летних мальчиков, «знающих правильно читать и писать и 4 правила арифметики», там просто нет. В 1841 г. было решено при девяти сельских лазаретах дома содержать по два воспитанника. Под надзором окружных врачей им следовало давать начальное образование. За «выучку» каждого мальчика выплачивалось 72 руб. сер. Первые питомцы, подготовленные при лазаретах, в 1841 г. попали в Обуховскую школу. В начале 1844 г. десять таких воспитанников были приняты в училище при Мариинской больнице. Срок обучения там составлял три года. Выпускников, как правило, распределяли по медицинским учреждениям Мариинского ведомства.²⁸

Другим вкладом Петербургского дома под руководством Марии Федоровны в подготовку медицинских кадров явилась деятельность училища повивальных бабок, или повивального института. Училище возобновило работу в 1811 г. В нем планировалось обучать 12 воспитанниц на счет дома и 18 девушек — на счет Медицинского департамента. По указанию императрицы на занятия в училище отводилось в общей сложности 8,5 часов в день и еще час — на женские рукоделия. С 1811 по 1835 г. Петербургское повивальное училище выпустило и распределило по губерниям 104 повивальные бабки из воспитанниц и 64 выученных за счет департамента²⁹. Жалование повивальных бабок, распределенных по губернским и уездным городам, было очень низким и достигало всего 150 руб. асс. в год. Воспитательные дома доплачивали выпускницам еще по 150 руб. в течение трех лет в надежде, что за это время они обзаведутся частной практикой. После указа 1837 г. прием воспитанниц прекратился, и повивальный институт утратил прямую связь

²⁵ РГИА. Ф. 758. Оп. 18. Д. 977. Л. 49—50.

²⁶ История Императорской Военно-медицинской академии (1798—1898). СПб., 1898. С. 214—215, 455.

²⁷ РГИА. Ф. 758. Оп. 10. Д. 85. Л. 17.

²⁸ Там же. Оп. 9. Д. 441. Л. 1—11; Оп. 15. Д. 535. Л. 1—18.

²⁹ Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. С. 235—237.

с домом³⁰. Воспитательный дом в период управления Николая I обеспечивал младшим медицинским персоналом не только свои лазареты, но и многие медицинские учреждения ведомства³¹. Специальная подготовка нянь началась только во второй половине столетия.

Многие питомцы и пансионеры Петербургского воспитательного дома всю жизнь отдали служению медицине и внесли серьезный вклад в ее развитие. Первый пансионер императрицы в Медико-хирургической академии Филипп Филиппович Десп (1791—1855) прослужил в Мариинском ведомстве около сорока лет, начинал в больнице для бедных, служил в Гатчинском доме, свыше тридцати лет (с 1823 по 1855 г.) занимал пост главного доктора Петербургского воспитательного дома, участвовал в борьбе с холерной эпидемией 1831 г. в Петербурге³².

Однокурсни́к Деспа питомец Александр Никитич Никитин (1793—1858) после выпуска был определен на службу в Петербургский воспитательный дом. Служил в деревенской экспедиции (деревенском управлении), производил осмотр младенцев, отправляемых в деревни. В 1834 г. Никитин получил степень доктора медицины, опубликовал до полутора десятков переводов медицинских трудов немецких и французских авторов, несколько сочинений на медицинские темы, печатался в журналах. После упразднения деревенского управления доктор Никитин остался за штатом, но вскоре в уважение его заслуг был определен для исполнения особых поручений. Почетный опекун М. К. Цеймерн вспоминал: «Пользуясь его познаниями, деятельностью и всегдашнюю готовностью ко всякому служебному занятию, начальство воспитательного дома возлагало на него множество поручений, в особенности таких, для которых наиболее требовалось добросовестности»³³. Доктор Никитин выслужил дворянство и скончался в высоком чине статского советника. В 1916 г. за копией формулярного списка деда для представления ее в Пажеский корпус в правление дома обратился внук доктора, с гордостью именовавший себя потомственным дворянином, сыном генерал-майора.

Поступивший в академию в 1813 г. пансионер императрицы штаб-лекарь Александр Иванович Крейти (1796—1842) после выпуска в 1817 г. был определен в Красносельский госпиталь, а в 1823 г. поступил лекарем в богадельню воспитательного дома. Принимал участие в борьбе с холерной эпидемией 1831 г. Занимался переводами медицинских сочинений с английского языка. Дослужился до чина коллежского советника и умер, «состоя на службе»³⁴.

Выпускник 1842 г. Лука Александрович Лукин (1816—1847) получил назначение на Черноморскую береговую линию и был определен на Кавказ. Служил в Новороссийском, Анапском, Фанагорийском госпиталях. В 1844 г. участвовал в высадке десанта «для сожжения... турецкого контрабандного судна». За отличие в делах против горцев в 1845 г. был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. В начале 1847 г. был прикомандирован к Кубанскому егерскому полку. В том же году умер от холеры³⁵.

Фельдшер Иосиф Ионович Ионин (1802—1868) в 1821 г. был возвращен в Петербургский дом из училища садоводства «по неспособности для обучения ботанике» и

³⁰ Монографии учреждений Ведомства императрицы Марии. С. 339—343.

³¹ РГИА. Ф. 758. Оп. 15. Д. 504. Л. 1—3.

³² Там же. Оп. 6. Д. 167. Л. 13—19 об.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 3. Д. 24. Л. 168—169.

³⁴ Там же. Д. 4. Л. 229—236.

³⁵ РГИА. Ф. 758. Оп. 18. Д. 977 а. Л. 265—271.

определен к обойному мастеру. Строптивный воспитанник не согласился с назначением. Вскоре главный доктор дома попросил устроить Ионина на вакансию младшего фельдшера «в приносном отделении». В 1826 г. его отправили в распоряжение Вольного экономического общества. Ионин стал оспопрививателем. Сначала он делал прививки в Петербургской губернии, а в 1827—1830 гг. работал в Белорусско-Могилевской губернии, за что получил серебряную и золотую медали «За заслуги в оспопрививании». В 1843 г. в качестве оспопрививателя Ионин был отправлен «в распоряжение Черноморского войска», где проработал десять лет. Там он «привил предохранительную оспу 10098 младенцам», научил «искусству оспопрививания» свыше 30 казаков, разделил «между ними селения черноморские» и наблюдал за их действиями... Распространил оспопрививание и между соседними с Черномориею горцами, успел заслужить их полную доверенность, так что сами стали распространять оно»³⁶. В 1846 г. он был произведен в коллежские регистраторы, в 1847 г. стал лекарским помощником. В 1863 г. его наградили орденом Св. Станислава III степени. Правда, заслуги не принесли ему достатка. Осиротевшая дочь Ионина осталась без средств и не раз обращалась за помощью к опекунскому совету.

Десятки лет прослужили в доме и многие хожатые. В 1834 г. доктор Ф. Ф. Депп рекомендовал перевести в младшие хожатые с жалованьем воспитанницу Авдотью Николаеву (1813—1873), находившуюся «в лазаретах на опыте» «по хорошему исполнению обязанностей своих и весьма похвальному поведению»³⁷. Хожатой при лазарете она проработала всю жизнь. В 1859 г. обратилась в опекунский совет с прошением о назначении ей по примеру «дежурных девиц воспитательного дома» денег на «окепировку». Выплаты были назначены.

Судьбы медиков — питомцев и пансионеров Петербургского воспитательного дома наглядно показывают, что усилия его руководителей принесли свои плоды. Петербургский дом в дореформенный период пополнил «медицинское сословие» сотнями новых членов. Во второй половине 1840-х гг. по воле Николая I доступ воспитанников к высшему медицинскому образованию был прегражден. Практическая подготовка среднего и младшего медицинского персонала, а также деятельность фельдшерских школ имели определенный успех, но роль дома в подготовке медиков к середине XIX в. значительно снизилась.

Е. М. Колосова, А. В. Крейцер, Н. В. Андреева

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТА

Воспитательный дом — инициатор создания учебных округов. Хорошо известно, что контроль за деятельностью учебных заведений был введен в России в 1802 г. в результате создания университетов и деления страны на учебные округа им подведомственные.

Но идея эта была не нова. Еще во времена И. И. Бецкого в Санкт-Петербургском воспитательном доме с целью сохранения жизни детей-сирот осуществлялась их задача в крестьянские семьи. Императрица Мария Федоровна продолжила начатое дело И. И. Бецкого и разработала четкий план контроля за отданными детьми. Уже в 1799 г. Петербургская губерния была разделена на округа. Были приняты дополнительные меры,

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп 3. Д. 17. Л. 93 об.—94.

³⁷ Там же. Д. 24. Л. 1—8 об.